

По поводу категории “абстрактный труд”

© 2013 Сагадиев Нурлан Кенжегалиевич
директор ТОО “ILS edutainment”, Алматы, Казахстан
E-mail: ils_edutainment@mail.ru

Рассматриваются методологические аспекты теории стоимости. На обсуждение выносятся принцип отражения как метод экономического анализа. Исходя из предложенного принципа представляются возможные коррективы для теорий стоимости и денег.

Ключевые слова: абстрактный труд, теория стоимости, закон тождества, теория отражения, принцип относительности, теория денег.

Концепция абстрактного труда - очевидно, одно из наиболее сложных и неординарных явлений в экономической науке. Обратим внимание на следующее обстоятельство. Категория “абстрактный труд” возникает в “Капитале” Карла Маркса в связи с проблемой тождества. Стремясь обосновать тождество товаров, Маркс вводит в оборот категорию “абстрактный труд”. Очевидно, что контент понятия не ограничивается рамками первой главы “Капитала” и выходит далеко за пределы первоначального замысла. В качестве основы стоимости товаров он пронизывает всю систему экономических отношений. С этой общей точки зрения, абстрактный труд - цементирующее понятие марксистской политэкономии, или, говоря языком самого Маркса, субстанция.

Понятие субстанции было характерным для философии Нового времени. Оно подразумевало редуцируемость наличного многообразия мира по отношению к неким предельным основаниям, сущностям. Однако последующая философская рефлексия показала ограниченность данного подхода. Понятие субстанции обрекает нас смотреть на мир как на некое удвоенное. С одной стороны, есть мир. С другой стороны, есть некая “подстилка” мира, именуемая субстанцией. Как красноречиво высказался по этому поводу У. Джеймс, “чтобы истолковать надлежащим образом абсолютный монизм, надо быть мистиком”¹.

Маркс “расколол” экономическую реальность на две крайности. На одной стороне он поставил субстанциональные определения: абстрактный труд, стоимость, прибавочная стоимость, общественно необходимое рабочее время, рабочая сила, необходимый и прибавочный труд. На другой стороне оставались категории предметного мира: цена, деньги, прибыль, заработная плата, средняя норма прибыли и т.д. В наследство оставалась задача убедительно примирить две крайности.

Редукционистская схема тесно связана с вопросом о тождестве. Как таковая она указывает на нечто, к чему может быть сведено или с помощью чего может быть объяснено все существующее

многообразие. Соответственно, то, к чему сводится это многообразие, должно быть неким эквивалентным себе. Иначе вся процедура теряет смысл. Именно в связи с необходимостью обосновать тождество товаров Маркс приходит к категории “абстрактный труд”. Вне понятия тождества абстрактный труд теряет любой положительный смысл. Его подоплека и есть его главный смысл. Потому, по-видимому, начинать следует с вопроса: что мы понимаем под тождеством?

По поводу последнего вопроса мне довелось в своей жизни прочесть две вещи: “Науку Логик” Гегеля и “Закон тождества” Хайдеггера. Не так много. Но в моем сознании отложилась мысль, которую высказал Гегель. Он пишет: “В-себе-бытие и бытие-для-другого ближайшим образом разны, но то обстоятельство, что нечто имеет *то же самое, что оно есть в себе*, также и *в нем*, и что, наоборот, то, что оно есть как бытие-для-другого, оно есть также и в себе, - в этом состоит тождество в-себе-бытия и бытия-для-другого”².

Язык философии, возможно, не обладает тем преимуществом, что язык поэзии, потому как акцент здесь расставляет сам читатель. В этом утверждении Гегеля акцент, по моему убеждению, стоит на слове “то же самое”. Если нечто, несмотря на все различие с другим, содержит в себе “то же самое”, что и другое, в этом Гегель видит смысл тождества. Гегель, как известно, был идеалистом. И это не случайно. Потому как считал, что философия имеет дело со всеобщим и тождественным. А всеобщее и тождественное в его представлении могло быть только идеальным.

Я попытаюсь развить линию рассуждений. Каким образом нечто и другое могут содержать “то же самое”? Существуют, по всей видимости, два варианта ответа. Первый - тот, который собственноручно вынесен в заглавие статьи. То есть нечто и другое могут содержать “то же самое” как нечто материально одинаковое. В концепции Маркса это абстрактный труд. Но что означает “то же самое” на языке Гегеля? Здесь ответ, по-

жалуй, столь же однозначен. Нечто и другое могут содержать “то же самое” лишь идеально.

Приведу наглядный пример. Предположим, я своей рукой надавлю на некую песчаную поверхность. Очевидно, что вследствие этого на песке останется след моей руки. Контуры на песке будут в точности соответствовать контурам руки. Моя рука идеально подходит под то изображение, которое осталось на песке. Хотя рука и песок - материально обособленные вещи, однако они содержат нечто одинаковое. Между моей рукой и изображением на песке существует идеальное тождество.

Положительный смысл, который я пытаюсь извлечь из предшествующего рассуждения, состоит в том, что тождество возникает на основе взаимодействия одной вещи с другой. В этом взаимодействии происходит процесс отражения. Одна вещь отражает в другой вещи себя саму. И в этом смысле она становится тождественна другой в объеме данного отображения. То, что одна вещь отражает в другой, есть “то же самое”, что и другая вещь. И в этом смысле они тождественны.

К сожалению, Гегель не использует категорию отражения, он вводит в оборот новый термин “снятие”. Это одно из важнейших понятий гегелевской философии. Прежняя метафизика оперировала понятиями: “количество”, “качество”, “конечное”, “бесконечное”, “дух”, “природа” и т.д. Лишь у Гегеля впервые намечился переход понятий: “количество есть снятое качество”, “конечное снимается в бесконечности”, “дух содержит природу как снятую”. Посредством категории “снятие” Гегель раздвигает границы прежней метафизики.

Снятие, согласно Гегелю, имеет двоякий смысл: “оно означает сохранить, удержать и в то же время прекратить, положить конец”. Интересно, что к этому он приходит через лексику немецкого языка, в котором слово “aufheben” имеет двоякий смысл. “Но удивительным, - пишет он, - при этом должно представляться то обстоятельство, что имеется язык, пришедший к тому, чтобы употреблять одно и то же слово для обозначения противоположных определений”³.

Я рассматриваю “снятие” как тот термин, с помощью которого мы подходим к сути рассматриваемого тождества. Я обращаюсь к гегелевской категории с целью показать, что за идеализированным понятием в действительности скрывается процесс отражения. Гегель снимает с отражения тот идеальный аспект, который собственно характеризует отражение в качестве отражаемого им объекта. Всякое отражение в свою очередь двойственно. Оно есть отражение некоего другого. Но вместе с тем отражение в самом

себе. В качестве первого оно есть гегелевское идеальное снятое. В качестве второго - субстрат того, в чем воплощается снятое.

В русском языке встречаются такие лексические обороты, как “снять копии документов”, “снять отпечатки пальцев”, “снять фильм” и т.д. Несмотря на то, что примеры носят несколько приземленный характер, в то время как Гегель относил свой термин в большей мере к сфере духа и познания, именно эти простые примеры, взятые из оборота обычной речи, позволяют нам уловить истинный подтекст понятия. Во всех указанных выражениях русское слово “снять” несет такой же концептуальный смысл, как и немецкое слово “aufheben”. Оно также означает “сохранение”, “сбережение”, “не дать утратить”. Но русский язык помимо этого раскрывает нам механизм снятия. Снятие происходит посредством своего отражения в другом.

“Снятие” и “отражение” - термины, которые принадлежали противоположным философским системам. “Снятие” - категория сугубо идеалистической философии. “Отражение” - краеугольный камень философии материализма. Мы отождествляем эти два термина. Мы говорим, что они суть одно и то же. Они дают описание одному и тому же процессу, рассматриваемому под разными углами зрения. Процесс имеет две стороны отношения. С одной стороны, есть нечто, что сохраняется в своем отрицании, с другой стороны, есть некое другое, в чем сохраняется снятое. Потому с разной контекстной интонацией один и тот же процесс имеет два разных обозначения - “снятие” и “отражение”.

“Снятое” часто используется Гегелем в значении “идеализированное”. Отражение демонстрирует способ “идеализации”. Отражение идеально воспроизводит то, снятием чего оно является. Слово “идеально” здесь означает, что оно не содержит материального субстрата снимаемого. Отражение снимает лишь определенности, или форму, последнего. Оно содержит лишь определенности, но не само снимаемое в себе. В этом смысле отражение идеально воспроизводит снимаемое. Оно и есть его снятое.

“Снятое” есть то же самое, что и “отраженное”. В данном случае язык употребляет два разных слова для обозначения одного и того же с разной контекстной интонацией. В первом случае он отталкивается от объекта снятия, и по отношению к этому объекту то, что сохраняется, удерживается, выступает как его “снятое”. Во втором случае язык опирается на объект отражающий, воспринимающий, воспроизводящий “снятое”. Соответственно, тот результат, который мы имеем на этой стороне отношения, име-

нуется “отражением”. Наличие двух сторон отношения позволяет языку использование одновременно двух слов.

Благодаря двум важным терминам в философии мы переходим к фундаментальному понятию науки – к понятию тождества. Если “снятое” есть то же самое, что и “отраженное”, то, соответственно, снимаемое бытие и бытие отражающее тождественны друг другу в объеме этого снятого в отраженном. Отрицаемое бытие переходит в свое другое, тождественное ему самому. Оно утрачивается, но вместе с тем и сохраняется. В этом удержании отрицания оно продолжает оставаться тождественным себе. Это сохраняемое тождество есть тот истинный смысл, который мы искали в вопросе: что мы понимаем под тождеством?

Считаю, что принцип отражения должен быть положен в основу экономической теории как замена абстрактного тождества $A = A$. На последнем, по сути, выстроена экономическая теория. Альтернативой ему может служить принцип отражения. Он напоминает нам закон близкодействия в физике. К примеру, на заре становления электромагнитной теории господствовала теория дальнего действия. Ее идеи были частично заимствованы из теории гравитации И. Ньютона. Считалось, что электрические заряды (как и гравитация) могут передавать взаимодействие на любое расстояние мгновенно. Гений Фарадея выдвинул идею электромагнитного поля, в котором взаимодействие передавалось последовательно. Максвелл посчитал скорость распространения электромагнитного поля. Она оказалась равной скорости света, что в итоге подтвердило гипотезу Фарадея. Позднее Альберт Эйнштейн выдвинул идею гравитационного поля. Тем самым в науке возобладала точка зрения близкодействия.

Принцип отражения говорит нам о том, что и в экономике выдвижение тех или иных научных положений должно происходить путем указания на прямое взаимодействие экономических процессов в обществе. Описание экономических процессов посредством принципа отражения позволяет избежать теоретических уловок, нередко встречающихся в экономической теории. В качестве подтверждения хотелось бы привести одну частную проблему, которая, на первый взгляд, не представляет самостоятельной научной ценности. Она попала в поле моего зрения, когда я впервые взял в руки “Капитал” Маркса.

Общеизвестно утверждение Маркса о том, что абстрактный труд создает стоимость, конкретный труд переносит стоимость потребленных средств производства на готовый продукт. Последнее обстоятельство послужило для меня тем отправным пунктом, когда я всерьез проникся вопросом, что

есть стоимость? Я пытался мысленно представить себе процесс переноса стоимости от одной вещи к другой. Является ли она при этом чем-то материальным или идеальным? Ни в том, ни в другом случае я не находил ответа. Я старался вникнуть в этот, казалось бы, частный вопрос. Чем больше я вчитывался в текст, тем пропорционально больше росло мое сомнение. Если отойти от эмпирии факта и, не прибегая к мистицизму, подойти к вопросу, как переносится стоимость потребленных средств производства, то ответ будет таков: никак.

Я рассматриваю объяснение, которое приводит Маркс, как натяжку в теории. Она необходима в том случае, если мы соглашаемся с гипотезой, что процесс производства есть вместе с тем процесс производства стоимости. Потому Маркс стремится представить производственный процесс одновременно как процесс создания стоимости (абстрактный труд) и как процесс переноса стоимости (конкретный труд). Сколь бы заманчиво и даже несколько убедительно ни выглядело положение, оно остается надуманным. А именно: совершенно неясно, каким образом конкретный труд переносит стоимость потребленных средств производства. В науке нередки случаи, когда частный и, казалось бы, несущественный с научной точки зрения вопрос способен обрушить систему теоретических построений. Если мы не в состоянии объяснить перенос стоимости внутри производственного процесса, то остается один неутешительный вывод: производство не создает стоимости.

На мой взгляд, существует более прозаичное объяснение феномену, при котором возникает иллюзия переноса стоимости. Все дело заключается в калькуляции цен, которую осуществляет каждый производитель товаров. Производитель выносит на рынок не только свой товар, но и условия, при которых товар произведен. Товар не может быть воспроизведен вновь, если не будут соблюдены условия его производства. Потому они находят свое отражение в форме предложения товаров. Однако было бы неверным сводить стоимость исключительно к условиям производственной деятельности. Условия, при которых индивидуумы готовы потреблять товары, являются не менее решающим фактором формирования стоимости. Каждый участник обмена выносит на рынок свои условия производства и потребления товаров. Лишь внутри данного взаимоотношения формируется стоимость. Те товары, итоговая стоимость которых покрывает понесенные издержки, остаются на рынке. Они остаются на рынке до тех пор, пока их стоимость покрывает издержки производства.

Те товары, итоговая стоимость которых не покрывает понесенных издержек, уходят из рынка.

Я сознательно переношу акцент в понятии стоимости со сферы производства в сферу обращения товаров. В этом случае она предстает как гегелевское идеальное снятие. Она формируется в результате взаимодействия двух сторон отношения. В более точном смысле стоимость - это тождество в отражении. Подобно следам на песке, она существует между двумя мирами. Между миром продавца и миром покупателя. Возможно, я выражаюсь образно. Но стоимость есть та идеальная сущность, которая возникает в обмене и исчезает в нем. В качестве идеального снятого она есть пропорция, в которой совершается обмен. Но как действительная пропорция обмена она существует лишь в самом акте обмена.

На первый взгляд может казаться, что стоимость детерминируется условиями продавца. Будучи владельцем товара, он обладает естественным правом устанавливать цены на свой товар. Но у покупателя есть, как минимум, одно ярко выраженное право - принять или отвергнуть условия продавца. Потому он оказывает свое обратное воздействие на процесс формирования стоимости. Чтобы товар обладал соответствующей стоимостью для продавца, он должен обладать соответствующей ценностью для покупателя. Лишь когда ценность товара для покупателя совпадает со стоимостью товара для продавца, происходит обмен. Действительная стоимость товара возникает как результат столкновения интересов продавца и покупателя. Данное столкновение интересов мы называем отражением-снятием. Лишь внутри него рождается идеальное снятие. Потому стоимость не существует вне обмена.

Стоимость - это категория обмена. Утверждение, что производство создает стоимости, противоречит ключевой идее рынка. Производство создает блага, стоимость которых формируется на рынке. Последнее является прерогативой рынка. Соответственно, за товарами нет той неведомой скрытой субстанции, о которой говорит Маркс. Такая альтернатива решения выводит анализ из-под руслу субстанционального взгляда, где мир предстал как некое удвоенное. Все экономические категории действительности находятся на одном онтологическом уровне. И нам требуется определенная реконструкция во взаимосвязях экономических категорий.

То обстоятельство, что стоимость формируется исключительно на рынке, уравнивает в правах торговый капитал с промышленным. Они в равной мере извлекают прибыль из обращения. Хорошо известно, что исторически ранней формой прибыли явилась прибыль торговцев, а ис-

торически ранней стадией экономических учений - меркантилизм. Как возникает прибыль торговцев? - вопрос, который волновал умы первых экономистов-исследователей. Именно в этот период, который Маркс охарактеризовал как эпоху первоначального накопления капитала, стоимость выступает в своем первоначальном виде, в наиболее неприкрытой форме, еще не облаченной "тканью" последующих формаций.

Сам Маркс не дает нам надлежащего объяснения факту, как возникает торговая прибыль, имевшая место в период до зарождения капиталистических производственных отношений. Критикуя предшествующих ему экономистов, непосредственно наблюдавших это явление и пытавшихся по своему дать толкование прибыли, он тем не менее осознает, что и его закон стоимости противоречит этой прибыли. "Как ни вертись, - пишет он, - а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости"⁷⁴.

Более того, прибыль торговцев выступает для Маркса противоречием еще и потому, что в его теории прибавочная стоимость возникает в результате только особого обмена на товар "рабочая сила". Поскольку такой товар возникает лишь в условиях самих капиталистических отношений, соответственно, не могла существовать и прибавочная стоимость в любой ее форме ранее, чем зародились необходимые отношения.

Теория Маркса находится в некоем порочном кругу. Вначале он обосновывает закон стоимости, далее выводит теорию прибавочной стоимости. Но затем в силу того, что прибавочная стоимость противоречит наблюдавшемуся позднее явлению средней нормы прибыли на капитал, он утверждает, что закон стоимости проявляет себя в условиях докапиталистических отношений. В заключительном третьем томе "Капитала" он пишет: "Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития..."⁷⁵. Но на низкой ступени развития, как известно, существовала прибыль торговцев.

Из приведенных высказываний мы можем видеть, что над мышлением Маркса довлеет закон абстрактного тождества $A = A$. Я привлекаю в помощь принцип отражения, как альтернативную методологическую площадку. Он дает нам несколько иное представление об экономических процессах. В первую очередь он говорит, что тождество возникает лишь во взаимодействии сущностей. Нельзя соотносить между собой то, что в действительнос-

ти никак не взаимодействует друг с другом. Приведу еще один пример для наглядности. Возьмем два участка пространства. Предположим далее, что я прохожу один участок пространства за 5 шагов и другой участок пространства за 5 шагов. Соответственно, я могу утверждать, что данные участки пространства тождественны друг другу. Но они тождественны косвенно, опосредованно моим шагам. Говорить, что они непосредственно тождественны друг другу будет, очевидно, неверным. Данные участки пространства не взаимодействуют между собой. Выражаясь языком Гегеля, они “безразличны друг к другу”. Потому между ними нет непосредственного тождества. Участки пространства взаимодействуют вместе со мной. Они не дают мне пройти эти пространства за большее или меньшее количество шагов. Они заставляют меня делать строго фиксированное количество шагов. Поэтому мы можем говорить об их взаимном тождестве лишь опосредованно моим шагам.

В некотором отношении я воспроизвожу здесь принцип относительности, сформулированный Эйнштейном. В его теории тождественность участков пространств выявляется во взаимодействии со светом. Пространство и время в его концепции стали относительными, релятивными тем физическим процессам, которые в них протекают. Абсолютное пространство и абсолютное время, введенные Ньютоном, перестали быть теми абстрактными сущностями, в которых полагалась их абсолютная независимость от протекающих в них физических процессов.

В предметном мире труд сапожника и труд портного никак не взаимодействуют друг с другом. Говорить о некоем абстрактном тождестве их друг другу лишено смысла. Утверждение, будто каждый отдельный процесс труда или его продукт представляет собою некие “сгустки” всеобщего, одинакового, общественно необходимого труда, не более, чем метафора. Поскольку процессы труда напрямую не взаимодействуют все одновременно, постольку и труд и его продукт не могут представлять собою “сгустки” всеобщего абстрактного труда.

Мы можем говорить лишь о косвенном или относительном тождестве процессов труда. К примеру, если за тот и другой труд платится одинаковая сумма денег, то эти процессы труда тождественны. Но они тождественны не непосредственно, а опосредованно. Их тождественность выявляется в прямом взаимодействии с деньгами. Эта опосредованность деньгами играет решающую роль в процессе отождествления. То есть только в том случае, если за тот и другой труд платится одинаковая сумма денег, они тождественны.

Здесь важный момент в понимании причинно-следственных связей в экономических процес-

сах. В первом случае создается иллюзия, будто один труд эквивалентен другому, и, как следствие этого, они обмениваются на одну и ту же сумму денег. Роль денег в этом акте, очевидно, нивелируется. Они эквивалентны вне зависимости от денег. Деньги выступают следствием абстрактного тождества и потому не могут оказывать теоретического влияния на обменные процессы в обществе.

Во втором случае причинно-следственные связи меняются. Деньги становятся активным элементом обменного процесса. Каждый труд непосредственно соприкасается, оценивается или, говоря языком физики, взаимодействует с деньгами. В этом взаимодействии выявляется его общественная необходимость для общества. Отсюда возникает тождественность данного труда с определенной суммой денег. Тем самым процессы труда могут быть тождественны друг другу лишь опосредованно, т.е. через личную тождественность каждого с определенной суммой денег. Но говорить, что они тождественны друг с другом непосредственно абстрактно, мы не вправе.

Здесь вступает в силу запрет со стороны принципа относительности, который мы рассмотрели на примере физики. Каждый индивидуальный труд находит свое прямое отражение в той сумме денег, на которую он обменивается. Количество денег в данном отражении есть снятое качество самого труда. В форме данного количества они выступают стоимостью труда, т.е. как то, чего стоит каждый индивидуальный труд в обществе. Соответственно, опосредованно данной оценке мы можем говорить о тождестве процессов труда. Но утверждать, что они непосредственно напрямую тождественны друг с другом, будет нарушением сути принципа относительности.

Отражение всегда взаимно. Это еще один аспект отражения, о котором следует помнить. Отражение возникает на основе непосредственного действия, в котором обе стороны оказывают воздействие друг на друга. В той мере, в которой один объект отражается в другом, в той же мере другой объект отражается в первом. Каждая сторона отношения становится идеальным аспектом снятости другой стороны. В той мере, в которой труд получает свою оценку определенной суммой денег, в той же мере и деньги получают оценку своей стоимости количеством труда, на которое они обмениваются. В данном взаимообмене определяется не только стоимость труда, но и стоимость самих денег. Для каждого индивидуума деньги, которые он зарабатывает благодаря своему труду, стоят ему его собственного труда. Соответственно, то количество труда, которое мы отдаем за деньги, образует стоимость самих денег.

Во взаимодействии труда и денег труд становится тождествен определенной сумме денег. В данном тождестве каждая из сторон выступает как стоимость, или эквивалент, другой стороны. Поскольку они тождественны, постольку они выступают как стоимости друг друга. Тождество в данном случае означает то, чего стоит каждая из сторон отношения. Если, к примеру, человек отказывается работать за 5 долл. в час, то он тем самым повышает стоимость своего труда. Но одновременно с этим он понижает стоимость денег. Когда подобное событие выливается в массовую демонстрацию, обесценение денег становится осязаемым фактом в обществе.

Наконец мы переходим к заключительному пункту исследования - к понятию абстракции. Под абстрагированием понимают процесс обособления отдельных сторон предмета и отвлечение от всех других его сторон. В процедуре абстрагирования сохраняются лишь отдельные стороны предмета. Эти отдельные стороны предмета, лишенные всех других его сторон, и есть абстракция предмета. Когда подобная абстракция достигает определенных границ всеобщности, она становится таким образом абстрактно-всеобщей сущностью вещей.

В данной связи остановимся на одной теоретической возможности. Процедура абстрагирования, по сути, напоминает нам процесс снятия. Снятие также означает сохранение определенных свойств предмета наряду с уничтожением, нивелированием всех других его сторон. То, что сохраняется, есть лишь некоторые аспекты снятого. В качестве сохраненного-снятого они образуют абстракцию предмета.

Очевидно, что абстракция не есть лишь умозрительная процедура. Интуиция подсказывает, что реальная, предметная абстракция возникает как процесс отражения одного в другом. В этом случае одно как идеальное снятое другого выступает в качестве абстракции другого. Любое отражение предмета есть, по сути, некая абстракция предмета. Но можно сделать и обратное заключение. Любая абстракция предмета является, по сути, отражением предмета. Во-первых, потому, что абстракция должна быть тождественна своему предмету. Во-вторых, абстракцией предмета не может являться сам предмет в своем бытии. В себе самом он есть конкретное целое. Потому абстракция есть некая представленность в теле представляющего другого. Удовлетворять обоим условиям абстракция может лишь в том случае, если является непосредственным отражением предмета. Соответственно, если мы хотим показать, как та или иная научная абстракция существует в действительном мире,

мы должны показать процесс отражения, процесс взаимодействия сущностей, в результате которого рождается предметная абстракция.

Примером подобной абстракции служат деньги. Каждый из нас обменивает свой труд на деньги. В данном взаимодействии учитывается не только количественная характеристика труда - его продолжительность, но и качественные аспекты труда - уровень квалификации, наличие опыта, трудоемкость процесса. Тем самым деньги становятся снятым качеством затрат труда. Между тем, кто предлагает деньги, и тем, кто предлагает свой труд, происходит прямое взаимодействие. Посредством взаимодействия выявляется стоимость труда каждого отдельного индивидуума. Одновременно сами деньги теперь стоят того количества труда, которое было обменено на деньги.

Если существует такая абстракция, как общественно необходимые затраты труда, о которой говорит Маркс, то таковой могут являться только деньги. Обмениваясь на труд каждого индивидуума, они являют собой совокупные затраты труда, которые несет общество. В них представлена необходимость затрат труда каждого индивидуума. Деньги и труд в своем наличном бытии - материально обособленные сущности. Однако в процессе обмена происходит их прямое взаимодействие. Определенный вполне конкретный характер труда обменивается на деньги. Потому деньги становятся всеобщей абстракцией затрат труда индивидуумов.

Здесь уместна аналогия с законом близкого действия в физике. Если товар не вступает в прямое взаимодействие с миром других товаров, то, соответственно, он не может в своем бытии быть воплощением общественно необходимых затрат труда. Единственный товар, который может представлять абстрактный труд как воплощение общественно необходимых затрат труда, - это деньги. Поскольку только деньги взаимодействуют с каждым отдельным процессом труда, деньги становятся абстракцией затрат труда, которые несет общество. В этой абстракции денег воплощается труд каждого индивидуума. Каждый индивидуум своим трудом вносит лепту в то, чего стоят деньги в обществе. Соответственно, то, чего стоят деньги, и есть труд индивидуумов в своей абстрактной форме.

¹ Джемс У. Прагматизм. СПб., 1910. С. 96.

² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 5. С. 115.

³ Там же. С. 99.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 174.

⁵ Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 193.